

РОМАН В.С. ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»
В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТИКЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1980-х гг.

Автор статьи анализирует специфику критической рецепции романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в среде русскоязычной эмиграции. Исследователь обращает внимание на скудное количество отзывов о книге и ее нерегулярное рецензирование и приходит к выводу, что это было обусловлено негласным противопоставлением Гроссмана А.И. Солженицыну, чей авторитет считался тогда непрекращаемым среди многих эмигрантов. Против романа «Жизнь и судьба» было и то обстоятельство, что литературная репутация Гроссмана в русском зарубежье считалась крайне противоречивой. Это было вызвано публикацией гроссмановской повести «Все течет...», содержание которой оказалось крайне неудобным для представителей русскоязычной эмиграции.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, А.И. Солженицын, Е.Г. Эткинд, Ш.П. Маркиш, «Жизнь и судьба», «Все течет...», «Архипелаг ГУЛАГ», эмигрантская пресса, эмигрантская критика.

Биографы В.С. Гроссмана, в том числе и лично его знавшие, утверждают, что после ареста романа «Жизнь и судьба» в феврале 1961 г. о писателе забыли. Ему перестали звонить, к нему перестали приходить гости. А вскоре после его смерти, в 1964 г., забвение перешло в формальную плоскость: его перестали издавать¹. На протяжении 1970-х – первой половины 1980-х гг. в СССР только и было опубликовано, что один рассказ – «Жизнь»². Сохранили же имя Гроссмана от забвения друзья и союзники, спрятав рукописи его неопубликованных сочинений и переправив их затем на Запад. Таким образом, в 1970 г. эмигрантским издательством «Посев» была опубликована повесть «Все течет...», а в 1975 – 1976 гг. в журналах «Континент», «Посев» и «Грани» публиковались главы из романа «Жизнь и судьба»³. В 1980 г. швейцарское

издательство L'aged'homme выпустило первое книжное издание романа⁴. Таким образом, имя Гроссмана должно было войти в историографию «тамиздата» и выйти из истории советской литературы. Но все сложилось практически с точностью до наоборот.

Несмотря на то, что в СССР Гроссмана почти не издавали, о нем все же и не забывали. Во-первых, в 1970 г. на родине прозаика вышла первая монография о нем и его произведениях – критико-биографический очерк А.Г. Бочарова «Василий Гроссман». В 1971 г. Б.Е. Галанов напечатал в главном литературоведческом журнале страны, «Вопросах литературы», статью о Гроссмани «Частное и общее», дал отзыв и о монографии Бочарова. О Гроссмани тепло отзывался В.П. Некрасов в автобиографической книге 1971 г. «В жизни и письмах». О Гроссмани писали в 1973 г. Ю.А. Левин и Д.И. Ортенберг. Тогда же в сборнике работ литературоведа В.Я. Канторовича была напечатана статья «Поэзия и философия одного очерка»⁵. Бесспорно, это лишь упоминания. Прежних пространственных статей о Гроссмани и его сочинениях в прессе уже не появлялось. Но это и нетрудно объяснить. Гроссман официально считался вполне успешным советским прозаиком – но не более того. Он начал литературную карьеру в первой половине 1930-х, был особенно активен во время войны и какое-то время после нее. Начал и не закончил сталинградскую диологию. В начале 1960-х гг. написал очерк о поездке в Армению «Добро вам», опубликованный уже посмертно⁶. Было бы странно, если бы ему отводилось особое место в советской периодике.

Труднее объяснить другое. Почему о Гроссмани, опубликованном и как бы «продолжившемся» за границей, там писали очень мало, будто обходили его стороной. На протяжении 1970–1980-х гг. в эмигрантских изданиях, периодических и непериодических появилось около десяти публикаций о повести «Все течет...» и романе «Жизнь и судьба» (для сравнения, когда «Жизнь и судьба» была опубликована журналом «Октябрь», советская пресса буквально взорвалась: около 90 рецензий на произведения Гроссмана в 1988–1991 гг.).

Асимметрия, таким образом, налицо: в СССР Гроссмана не публикуют, но вспоминают, а в русском зарубежье публикуют, но стараются не вспоминать. В данной статье и анализируется характер рецепции романа «Жизнь и судьба» в критике русского зарубежья.

* * *

О том, что эмигрантская критика не отреагировала на появление глав «Жизни и судьбы» в периодических изданиях, мемуаристы упоминали. Они же предложили и объяснение: главы не

рецензировались, потому что рецензировать было, по сути, нечего⁷. Однако это мнение не выдерживает критики при обращении к самим источникам – т. е. к публикациям в эмигрантских журналах. «Континент» напечатал не какие-то плохо выбранные главы, а 23 главы, пятую часть книги. Публикация была непрерывной, и представлены были все сюжетные линии. Позаботилась редакция журнала и о послесловии – в качестве такового были напечатаны воспоминания Б.С. Ямпольского «Последняя встреча с Гроссманом», где было рассказано об аресте романа и последних месяцах жизни Гроссмана⁸. Также было анонсировано книжное издание романа. Иначе говоря, история обещала стать более чем интригующей – однако таковой не стала, а книга вышла только через четыре года и тоже будто не вызвала интереса.

Называлась, правда, и другая причина. Эмигранты не были заинтересованы в Гроссмане и не стремились опубликовать его книгу, поскольку главной персоной русского зарубежья был в то время А.И. Солженицын, написавший уже о лагерях⁹. Эта версия кажется правдоподобной, однако её также необходимо проверить – для этого обратимся к рецензиям на гроссмановские произведения.

Первой сравнила Гроссмана с Солженицыным Д.М. Штурман, известный израильский литературовед. Ее критической обзор повести «Все течет...» под заголовком «Стукачи и гонг справедливости» появился в 1979 г. в израильском журнале «Время и мы»¹⁰; основывался он именно на сопоставлении того, как интерпретировали проблему доносительства Гроссман и Солженицын. Приоритет был отдан Гроссману, пытавшемуся, как утверждала Штурман, вникнуть в психику осведомителя, а не просто призывавшему к немедленной с ним расправе, как то было в процитированных ею фрагментах «Архипелага ГУЛАГ».

Первую же рецензию на «Жизнь и судьбу» написал израильский критик Е.Г. Эткин, подготовивший вместе с исследователем литературы Ш.П. Маркишем книжное издание романа. Называлась рецензия «Двадцать лет спустя» и анонсировала скорое появление второго тома сталинградской дилогии. Примечательно, что помещен материал был также в журнале «Время и мы» и все в том же 1979 г. И, подобно статье Штурман, композиционной и содержательной основой был контраст между Гроссманом и Солженицыным. Можно было бы предположить, что в тех эдиционных условиях было недостаточно просто опубликовать роман – требовалось его продвижение на рынке, а это, в свою очередь, требовало контраста Гроссман – Солженицын. Впрочем, это противопоставление в статье Эткина было более тонким, нежели у Штурман:

Через 12 лет после книги Гроссмана удостоилась ареста еще только одна рукопись – Солженицынский «Архипелаг ГУЛаг»... Но почему «Архипелаг ГУЛаг» был страшен властям и прежде всего, КГБ, понятно: «художественное исследование» Солженицына ломится от фактов, от реальных судеб, от имен жертв и имен палачей. Книга же В. Гроссмана – плод вымысла, роман [...] Опасность разоблачительных и обвиняющих документов несомненна. <...> Не бывало никогда, чтобы художественное сочинение погубило политический строй или партию... <...>

Арест романа – наивысшая оценка, какую может заслужить художественное произведение от государственной власти. Вымысел приравнен к реальности¹¹.

С одной стороны, Эткинд будто пытается уравнивать статус Гроссмана и Солженицына. С другой же стороны, это равенство отнюдь неполное. Жанровое сопоставление двух книг явно было не в пользу «Архипелага ГУЛАГ». По сути, критик утверждал, что работа Солженицына не входит в корпус художественных произведений, подобно «Жизни и судьбе». Такая характеристика, вероятно, звучала нелестно для нобелевского лауреата по литературе Солженицына.

Дополненная редакция этой статьи была использована в качестве предисловия к книжному изданию 1980 г. Причем дополнения все были в пользу Гроссмана:

Но почему «Архипелаг ГУЛаг» страшен властям и, прежде всего, КГБ, понятно: «художественное исследование» Солженицына ломится от фактов, от реальных судеб, от имен жертв и имен палачей. Книга же В. Гроссмана – плод вымысла, роман [...] Опасность разоблачительных и обвиняющих документов несомненна. Но разве может быть опасна беллетристика? Бывало, что публикация документальных материалов влекла падение политических деятелей, правительств, и даже режимов; вспомним хотя бы Уотергейт и судьбу Ричарда Никсона или, почти за столетие до того, дело Дрейфуса в истории Третьей республики и памфлет Э. Золя «Я обвиняю». Не бывало никогда, чтобы художественное сочинение погубило политический строй или партию; даже документальная поэма Данте не одолела гибеллинов или черных гвельфов. Тот же Золя, потрясший Францию памфлетом в «Орор», не опрокинул папство романами «Рим» и «Париж»; его судили за «Я обвиняю», а не за «Ругон-Маккаров» или «Три города».

Арест романа – наивысшая оценка, какую может заслужить художественное произведение от государственной власти.

Вымысел приравнен к реальности. Размышления писателя – к выдаче государственной тайны. Власть испытывает страх перед выдуманными персонажами и писательскими мыслями, даже если они не превратились в многотиражные книжные листы, даже если они покоятся в книжном столе автора¹².

Эткинд не просто возвысил Гроссмана-писателя над Солженицыным-документалистом. Имя Гроссмана оказывается в одном ряду с именами классиков мирового значения.

Однако литературной сенсации не произошло. Единственной публикацией того года о Гроссмани стали мемуары эмигрировавшего в 1978 г. из СССР бывшего ответственного секретаря «Нового мира» Б.Г. Закса. Назывались они «Немного о Гроссмани». О поэтике «Жизни и судьбы» там не было сказано ни слова, зато содержались интересные сведения о сложных, но всегда доверительных отношениях между Гроссманом и А.Т. Твардовским¹³.

Закс вспоминал, что в тот момент, когда «Жизнь и судьбу» рассматривали в редакции журнала «Знамя», два прозаика были в ссоре. Но как-то раз они столкнулись на лестнице в СП СССР – и поздоровались друг с другом. Гроссман, за бутылкой коньяка, рассказал Твардовскому, что «Жизнь и судьба» застряла в «Знамени» – Твардовский попросил, чтобы Гроссман дал прочитать ему роман. Дочитав рукопись, опытный редактор сразу понял, что Гроссман в опасности, и страшно мучился от бессилия помочь. Около года Гроссман ждал вердикта «Знамени» – и наконец этот день настал. 14 февраля 1961 г. рукописи «Жизни и судьбы» были конфискованы КГБ. Тот экземпляр, что хранился в сейфе «Нового мира», передать в руки сотрудника с Лубянки пришлось именно Заксу. Он видел своими глазами, как некий полковник Бардин убрал рукописи романа в портфель.

После этой трагедии Твардовский в гостях у Закса и уже за бутылкой водки умолял Гроссмана, чтобы тот пошел на уступки перед ЦК, обещал помочь ему – лишь бы спасти роман. Но Гроссман наотрез отказался.

Мемуары Закса возбуждают не просто исследовательский, а следовательский интерес. Слишком уж много здесь очевидных противоречий. Во-первых, из дневника Твардовского следует, что Гроссман сначала отнес роман ему – и только потом В.М. Кожевникову, возглавлявшему журнал «Знамя», а затем уже снова Твардовскому на консультацию¹⁴. Во-вторых, Гроссман никак не мог ждать ответа почти год – прошло около двух месяцев. В-третьих, странно выглядит процедура ареста рукописей в самом «Новом мире». Машинопись «Жизни и судьбы» занимает около 1000 страниц – вряд ли

ее можно было без труда уместить в портфель. Однако подобные неточности часто встречаются в мемуарах. Нередко возникают они неслучайно: их цель – создать образ персоналии – и ореол вокруг этого образа. Лично же знавший мученика тоже несколько возвышается в глазах читателя. Воспоминания Закса, видимо, не исключение. Он явно стремился изобразить не двух опытных советских писателей, а отвергнутого правдоискателя Гроссмана и борца за справедливость Твардовского. Поэтому так важно еще одно замечание, вынесенное в отдельный абзац:

Бесполезно гадать, как поступил бы Твардовский, будь он в тот день в редакции. Хочу лишь напомнить об одной детали, которая мне кажется существенной, но вряд ли кому-нибудь знакома: поскольку роман официально не поступал в редакцию, а был дан Твардовскому из рук в руки для дружеского прочтения, его никто нигде не регистрировал; ни в одной книге, ведомости, ни на одной карточке роман не значился находящимся в «Новом мире»¹⁵.

Исследователи Гроссмана не обращали внимания на этот фрагмент, хотя он многое объясняет. К моменту публикации материала на Западе многие уже знали, что роман был арестован. Знали также и о том, что он находился не только в «Знамени», но и в «Новом мире». Более того, еще в 1975 г. Солженицын заявил в мемуарах «Бодался теленок с дубом», что решил забрать из редакции «Нового мира» роман «В круге первом» именно потому, что помнил о прецеденте с «Жизнью и судьбой»: «Я вижу лучше! я вижу дальше! я решил! Я помню, как роман Гроссмана забрали именно, из новомирского сейфа»¹⁶. Солженицын – культовая фигура русского зарубежья, поэтому его версию, вероятно, знали почти все. Следовательно, кто-то мог бы предположить, что к аресту романа причастна не только редколлегия «Знамени», но и редколлегия «Нового мира». Могло возникнуть предположение, что кто-то в «Новом мире» принял меры раньше, чем «Знамя» вынесло резолюцию. Воспоминания Закса, очевидно, должны были пресечь кривотолки и обеспечить «свежеэмигрировавшему» литератору репутацию диссидента.

В 1981 г. о Гроссмани снова вспомнил Эткинд. Журнал «Синтаксис» поместил его статью «Советские табу». Задачей материала было классифицировать запреты в советской литературе. Таковых Эткинд насчитал восемь. Среди них – табу на «иррациональное», табу на религию, на отклонение от нравственной нормы, на отклонения от социально-языковой нормы, на использование диалектных выражений, на так называемое

«кошунственное отношение» к именам вождей, памятникам и т. п., табу на описание физиологических отравлений – и самое главное табу – на описание социальных конфликтов. В последней категории Эткинд выделяет несколько элементов: табу на описание конфликтов между государством и личностью, господствующим народом и угнетенными народностями, чиновничеством и творческой интеллигенцией¹⁷.

И если первые семь табу так или иначе нарушались советскими писателями, имена которых предавались забвению («умолчание» о книге и авторе, согласно Эткинду, одна из наиболее частых защитных реакций советской историографии), то последнее, восьмое табу, так никто и не снял. Если бы кто-то и справился с этой задачей, то, конечно, Гроссман, которого уже нет на свете, или Солженицын, которого нет в литературе:

Вот роман, который помог бы нам понять самих себя, а значит помог бы нам жить. Но нет его – да и когда он родится? В.С. Гроссмана, который был бы способен на такой подвиг, погубили – он умер от рака в 1964 году. А.И. Солженицын ушел в историю и занят обличением сатанинского российского либерализма, породившего безбожную революцию¹⁸.

Это замечание, впрочем, было смягчено в конце публикации. Эткинд писал, что сами советские табу «ждут художника великой смелости, который опрокинет все табу сразу и создаст панораму советского общества последних десятилетий с такой же убедительной беспощадностью, с какой В. Гроссман представил в романе “Жизнь и судьба” советское общество военной поры, а Солженицын изобразил Архипелаг ГУЛаг».

Таким образом, Гроссман и Солженицын были примирены. И хотя последнему будто снова отказывали в праве называться писателем, можно было надеяться на его возвращение.

На этом все. Воцарилось молчание. Высоко оцененный единственным своим критиком, Эткиндом, роман Гроссмана «утонул». Сложилась история, чем-то напоминающая историю рецепции романа «Двенадцать стульев», одна из первых рецензий на который была озаглавлена – «Книга, о которой не пишут»¹⁹.

* * *

Однако в 1985 г. произошло самое настоящее критико-библиографическое чудо. О Гроссмане вдруг вспомнили – и причины молчания сразу объяснились.

Во втором номере израильского общественно-политического журнала «Народ и земля» была опубликована статья Ш.П. Маркиша «Пример Василия Гроссмана», анонсировавшая издание комментированного двухтомника произведений Гроссмана²⁰.

Маркиш, как и многие до него, задался вопросом, что подвигло Гроссмана на неравный бой с политическим режимом СССР и как получилось, что успешный и довольно популярный советский писатель переродился в диссидента и «стал первым доподлинно инакомыслящим в советской литературе, создав в романе “Жизнь и судьба” [...] историософскую и художественную концепцию, полностью противостоящую официальной идеологии со всеми ее догмами и мифологемами».

Предложенное объяснение вполне соответствовало редакционной политике и территориальной принадлежности журнала: «Я думаю, нельзя сомневаться, что этот роман не был бы написан, не перенеси Гроссман ударов судьбы, которые выпали ему именно как еврею. Собственное горе, несправедливости, жертвою которых стал он сам, открыли ему глаза на чужое горе, на боль и муки жертв иных несправедливостей – и он написал обо всем, что увидели его глаза, освободившись от шор, и в истоке нового, универсального видения лежит его еврейская судьба»²¹. Маркиш даже вводит понятие «писатель еврейской судьбы», т. е. писатель, чей дар формируется в эпоху преследования и расовой ненависти и вынуждает его говорить правду.

Рецензент анализирует историософскую концепцию «Жизни и судьбы» и повести «Все течет...». Обе книги резко противопоставлены произведениям Солженицына, в первую очередь – «Архипелагу ГУЛАГ»:

«Все течет...» предвосхищает «Архипелаг ГУЛАГ». Часть лагерных глав вполне соответствует тому жанровому определению, которое дал своему труду Солженицын – опыт художественного исследования. Исследуются эволюция ГУЛага, разряды его обитателей, их типическое поведение в тюремной камере и в зоне, «душа и колючая проволока» (так назвал Солженицын четвертую часть «Архипелага») <...> Но Солженицын полон гнева и убийственного сарказма, он неукротимый боец, он памфлетист. Гроссман, и особенно в позднюю пору жизни, и вдвое – после катастрофы с «Жизнью и судьбой», смотрит и говорит горько, устало, в нем больше снисходительности, отчасти презрительной.

Далее следует сравнение главы «Тихая Машенька» из гроссмановской повести с 8-й главой «Архипелага ГУЛАГ» – «Женщина в лагере»:

Эта новелла о жизни, угасающей по мере угасания надежды, написана в духе и ключе тихого причитания, придушенного воя плакальщицы. Так не написал (не захотел? не смог?) не только Солженицын, но и Шаламов и Евгения Гинзбург. Особый голос Гроссмана незаменим и необходим в многоголосье лагерного реквиема, и десяток страничек новеллы о тихой Машеньке стоят среди шедевров лагерной темы, рядом с тремя томами «Архипелага».

Наконец, Маркиш переходит к самому болезненному вопросу – к историко-политической проблематике повести, к горькому выводу Гроссмана, что история России – это история тысячелетней рабщины и «пора русской свободной человеческой души», быть может, никогда и не настанет. И его комментарий к этому утверждению заслуживает особого внимания:

Во-первых, здесь нет и следа ненависти к России, здесь бесконечная жалость, рожденная любовью. Ни прежние, довоенные апологеты русской души и русской истории из числа эмигрантов (примером может служить профессор Иван Ильин), ни новейшие, вроде Солженицына, не вправе были бы укорять Гроссмана в русофобстве.

Само по себе предположение, что Гроссмана могли обвинить в русофобстве, достаточно тривиально: для этого достаточно просто прочесть повесть. Как бы деликатно ее ни интерпретировали, с какой бы оправдательной интонацией о ней ни писали, чтобы нейтрализовать ее эффект, толкование этого сочинения как русофобского – кратчайший и кажущийся наиболее простым путь. Слова же Маркиша ценны, поскольку они не просто служат оправданием Гроссмана перед читателем – они документируют, что Гроссмана действительно обвиняли в русофобии. И главным обвинителем был не кто иной, как Солженицын.

Следующее замечание не менее ценно:

Во-вторых, по сравнению с «Жизнью и судьбой» историософская позиция не изменилась. Иной, более скептической, чтобы не сказать пессимистической, стала только оценка исторической перспективы, взгляд в будущее, и изменение это вполне объяснимо личными испытаниями последних лет жизни Гроссмана.

Перед нами снова комментарий не столько к тексту, сколько к его интерпретации. Маркиш таким образом отвечает подразумеваемому оппоненту, что становится ясно: были те, кто считал, что историософские воззрения Гроссмана, выраженные в романе

«Жизнь и судьба», как-то изменились за время работы над «Все течет...». Это снижало идейное качество романа, поскольку приходилось признать, что в нем не была высказана последняя правда автора. Гроссман либо впоследствии изменил точку зрения, либо писал под надзором внутреннего цензора, т. е. лукавил. Вероятно, поэтому Маркиш, не описав предшествующих полемических ходов, убеждает читателя в том, что «и в романе, наивно предназначенном для печати, и в повести, писавшейся тайно, для себя, может быть, – для потомства, Гроссман один и тот же, в нем нет “двурушнического” раздвоения, которое так часто метит советскую инакомыслящую интеллигенцию».

Иначе говоря, целью Маркиша было явно не обсудить сильные и слабые стороны гроссмановских сочинений, а убедить читателя, что Гроссман не лицемер. Критик, по сути, был вынужден стать адвокатом – проблема, вероятно, была серьезной. Оправдание же Гроссмана было невозможным без устранения идеологического разрыва между «Жизнью и судьбой» и «Все течет...». Для этого причины возросшего литературного пессимизма Маркиш списал на личные проблемы Гроссмана. Аргумент этот, однако, не был новым: он был использован еще в 1971 г. эмигрантским критиком А.П. Столыпиным, пытавшимся в статье «Ошибочная историческая концепция Василия Гроссмана» обезвредить неведомо как оказавшуюся за границей повесть «Все течет...»²².

Впрочем, еще большим критико-библиографическим событием стал очерк Г.Ц. Свицкого «Восемь минут свободы», опубликованный в том же 1985 г. журналом «Грани». Эта публикация уникальна своей простотой и прямоотой: об истории хождения романа «Жизнь и судьба» в русском зарубежье здесь рассказано без намеков. Открывается статья сохранявшей свежесть «антитезой» Гроссман–Солженицын:

Роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» был арестован Госбезопасностью СССР почти в тот самый год, когда в журнале «Новый мир» была напечатана повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Тюремную правду разрешили. Ну, а в с ю тюремную правду, по обе стороны решетки, затолкали в темницу. Почти на двадцать лет.

Ныне Василий Гроссман стал на Западе сенсацией, как ранее – Солженицын. Имена Гроссмана и Солженицына звучат рядом, особенно часто в европейской прессе, принявшей последнюю книгу Гроссмана как крупнейшее событие литературной, и не только литературной, жизни.

Более полугода, к примеру, французский перевод романа находился в списке бестселлеров. Насколько значительным было его влияние на читателя, свидетельствует и такое, несколько неожиданное, заключение одного из известных критиков: «Думая о России, мы говорили: Солженицын! Сейчас мы говорим: Солженицын и Гроссман! Пройдет время, и мы будем говорить: Гроссман и Солженицын...»²³.

Далее – самокритика, граничащая с самобичеванием:

Писателей не только сравнивают, но, как видим, и противопоставляют.

Наверное, это не заслуживало бы внимания (история в наших подсказках не нуждается), если бы не одно обстоятельство, по крайней мере, странное: книгу-арестанта, погибшую, казалось, навсегда – были изъяты, как известно, не только все экземпляры рукописи и черновики, но даже копия, – такую книгу русская эмигрантская пресса постаралась не заметить. «Континент» В. Максимова, напечатав в свое время несколько глав из романа, когда книга, наконец, предстала перед читателем во всей полноте... дал блеклую отписку. Остальные вообще зажмурились, пугаясь противопоставления Солженицына – эмигрантского солнца тех лет, «какому-то» Гроссману. Младенческая «игра в жмурки» длилась целых пять лет, с 1980-го до конца 1984-го, пока внимание русского читателя к книге Василия Гроссмана не привлек и н о я з ы ч н ы й мир, назвавший роман «Жизнь и судьба» романо м века.

Таким образом, европейская аудитория оказалась более прозорливой и независимой в суждении, нежели русское зарубежье. Это, видимо, особенно ранило Свирского, поскольку свидетельствовало о духовной и интеллектуальной несвободе даже тех русскоязычных, которые покинули тоталитарный СССР:

Что позволили себе замалчивать, и замалчивать бдительно, поводыри русской эмиграции, называющие себя борцами за свободу России?

Главный герой романа «Жизнь и судьба» – с в о б о д а. Свобода, которой в родной стране нет. Никакая цензура не могла бы купировать, «сократить» этого героя, ибо он жив в каждом, без преувеличения, образе, он пульсирует страхом и болью о потерянной свободе, памятным глотком свободы, жаждой воли вольной.

Безусловно, слова Свирского не имеют статуса истины. Однако хроника литературной жизни Русского Зарубежья позволяет пред-

полагать, что утверждения его отнюдь небеспочвенны. На французский язык роман был переведен еще в 1980 г., еще через четыре года – на немецкий и итальянский²⁴. В 1984 г. во Франкфурте проходила книжная ярмарка, на которой был представлен немецкий перевод романа. Там же впервые В.Н. Войновичем была поведена история спасения и переправки рукописей за границу²⁵.

* * *

Полемика между сторонниками Солженицына и признавшими Гроссмана на этом не закончилась²⁶. А уже после распада СССР этому заочному спору придал новый статус и новое звучание сам Солженицын. Законодатель новой российской прозы регулярно выступал в «Новом мире» в качестве критика. Уделил он внимание и автору «Жизни и судьбы»: тот был удостоен оценки чуть выше среднего²⁷. Однако это тема другого исследования.

Подводя же итог этой статьи, можно сказать, что молчание критики о «Жизни и судьбе» было знаковым и обусловлено оно было политическими причинами. Роман Гроссмана оказался в настоящей информационной блокаде, поскольку к моменту публикации как глав романа, так и его полного текста, репутация Гроссмана уже стала крайне противоречивой. Выпавшему из советской парадигмы прозаику не нашлось места в парадигме эмигрантской. И причиной тому стала повесть «Все течет...». Она создавала Гроссману репутацию русофоба и глубокого скептика, не верившего в способность русского народа к историческому развитию. Это, в свою очередь, подразумевало, что любые попытки литературного противостояния русского зарубежья и Советского государства бессмысленны. Абсурдной в поэтике Гроссмана становилась и сама идея борьбы за освобождение России от большевизма, поскольку большевизм осмыслялся писателем не как временное отклонение от исторического пути, а как естественное следствие и выражение рабского менталитета российского общества. По сути, Гроссман вольно или невольно выразил ту же мысль, что и сменовеховцы еще в 1921 г., только патетика и эмоциональность были контрастными.

Пафос же солженицынских сочинений соответствовал идеологии диссидентского сообщества, полагавшего, что борьба с большевизмом – одна из важнейших задач человечества. Без идеи такой борьбы существование русскоязычных диаспор лишалось цели. Допущение, что русское общество обречено на раскол, причем лучшая и меньшая его часть вынуждена будет жить на чужой земле, по чужим законам и сохранять свою культуру исключительно для своих детей, которые, возможно, уже не будут в ней нуждаться, было слишком болезненным. Таким образом, Гроссман просто

оказался персоной нон-грата и, вероятно, оставался бы в этом статусе очень долго, если бы не высокая оценка европейской аудитории, превознесшей общечеловеческие, а не политические идеи «Жизни и судьбы». Перефразируя слова известного литературного героя, можно сказать, что зарубежье помогло Гроссману, правда не русское, а европейское.

 Примечания

- ¹ *Таратута Е.А.* Честная жизнь и тяжкая судьба: Воспоминания о В. Гроссмане // *Огонек*. 1987. № 40. С. 22–23; *Ямпольский Б.С.* Последняя встреча с Василием Гроссманом // *Континент*. 1976. № 8. С. 135–138.
- ² *Гроссман В.С.* Жизнь. М.: Детгиздат, 1972.
- ³ *Гроссман В.* За правое дело. Главы из второй книги романа // *Континент*. 1975. № 4. С. 179–216; № 5. С. 7–39; *Он же.* Жизнь и судьба // Там же. 1976. № 6. С. 151–171; № 7. С. 95–112; № 8. С. 111–133; *Гроссман В.С.* Тихая Машенька: Главы из книги «Все течет...» // *Посев*. 1970. № 11. С. 51–56; *Гроссман В.С.* За правое дело: Отрывок из второго тома романа // *Грани*. 1975. № 97. С. 3–32.
- ⁴ *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. Lausanne: L'aged'homme, 1980.
- ⁵ *Бочаров А.Г.* Василий Гроссман: Критико-библиографический очерк. М.: Советский писатель, 1970.; *Галанов Б.Е.* Частное и общее // *Вопросы литературы*. 1971. № 8. С. 194–197; *Некрасов В.П.* В жизни и письмах. М., 1971. С. 149–155; *Левин Ю.А.* Строки о друзьях // *Урал*. 1973. № 5. С. 129–141; *Ортенберг Д.И.* В те памятные годы... // *Литературная газета*. 1973. 21 февр.; *Канторович В.Я.* Поэзия и философия одного очерка // *Канторович В.Я.* Заметки писателя о современном очерке. М.: Советский писатель, 1973. С. 114–121.
- ⁶ *Гроссман В.С.* Добро вам // *Литературная Армения*. 1965. № 6. С. 32–53; № 7. С. 27–51.
- ⁷ *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана // *Липкин С.И.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Берзер А.С. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 119–120; *Сарнов Б.М.* Как это было: К истории публикации романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // *Вопросы литературы*. 2012. № 6. С. 9–47.
- ⁸ *Ямпольский Б.С.* Указ. соч. С. 133–155.
- ⁹ *Сарнов Б.М.* Указ. соч. С. 11–12.
- ¹⁰ *Штурман Д.* Стукачи и гонг справедливости // *Время и мы*. 1979. № 42. С. 133–149.
- ¹¹ Здесь и далее цит. по: *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя // *Время и мы*. 1979. № 45. С. 7–8.
- ¹² *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя // *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба... С. VI–VIII.
- ¹³ См.: *Закс Б.Г.* Немного о Гроссмане // *Континент*. 1980. № 26. С. 352–364.
- ¹⁴ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю.Г.* История ареста романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» в освещении периодики и публицистики русского зарубежья // *Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Журналистика. Литературная критика»*. 2013. № 12. С. 79–86.
- ¹⁵ *Закс Б.Г.* Указ. соч. С. 359.

- ¹⁶ *Солженицын А.И.* Бодался теленок с дубом. Paris: YMCA-press, 1975. С. 114.
- ¹⁷ См.: *Эткинд Е.Г.* Советские табу // Синтаксис. 1981. № 9. С. 3–20.
- ¹⁸ Здесь и далее цит. по: *Эткинд Е.Г.* Указ. соч. С. 19–20.
- ¹⁹ См. подробнее: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Мирь И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2015. С. 64–88.
- ²⁰ *Гроссман В.С.* На еврейские темы: Избранное: В 2 т. / Сост. и коммент. Ш.П. Маркиш. Jerusalem: Библиотека Алия, 1985.
- ²¹ Здесь и далее цит. по: *Маркиш Ш.П.* Пример Василия Гроссмана // Народ и земля. 1984. № 2. С. 173–179.
- ²² *Столыпин А.П.* Ошибочная историческая концепция В. Гроссмана // Грани. 1971. № 80. С. 216–223.
- ²³ Здесь и далее цит. по: *Свирский Г.Ц.* Восемь минут свободы // Там же. 1985. № 136. С. 295–305.
- ²⁴ *Grossman V.* Vie et Destin. Lausanne: L'aged'homme, 1980; *Grossman W.* Leben und Schicksal. München: Albrecht Knaus, 1984; *Grossman V.* Vitaedestino. Milano: Jaca Book, 1984.
- ²⁵ *Войнович В.Н.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана и его романа // Посев. 1984. № 11. С. 53–55.
- ²⁶ См.: *Альтшуллер М.Г., Дрыжакова Е.Н.* Путь отречения. N.Y.: Эрмитаж, 1985. С. 301–316; *Косинский И.А.* Трава пробивает асфальт // Континент. 1986. № 48. С. 372–383.
- ²⁷ См.: *Солженицын А.И.* Приемы эпопеи: Из литературной коллекции // Новый мир. 1999. № 1. С. 172–190; *Он же.* Диалогия Василия Гроссмана: Из литературной коллекции // Там же. 2003. № 8. С. 154–169.